

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: s.rossinskiy@yandex.ru
SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2026-21-4-rossinskiy

ПОТЕРПЕВШИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ ИЛИ ОБЛАДАТЕЛЬ ЦЕННЫХ СВЕДЕНИЙ?

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению статуса потерпевшего как участника российского уголовного судопроизводства, его места, роли и правового положения в общей системе национальной уголовной юстиции. Актуальность статьи обусловлена отсутствием единства подходов к пониманию потерпевшего, пробельностью и противоречивостью соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства, практическими ошибками и трудностями, приводящими к ненадлежащему обеспечению прав и законных интересов пострадавших от преступлений людей или организаций. Освещается подход к пониманию потерпевшего как жертвы преступления, т.е. лица, понесшего от преступных действий определенный вред. В этой связи констатируется возможность оставления подобных субъектов в положении пассивных созерцателей работы органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, безучастных ожидателей восстановления нарушенных прав. Кроме того, рассматривается подход к пониманию потерпевшего как альтернативного обвинителя, т.е. полноценного, способного к активному поведению участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Возникновение данного подхода объясняется потребностями в постепенном усилении характерных для цивилизованных стран механизмов доступа населения к уголовному правосудию, в расширении диспозитивных возможностей заинтересованных, позволяющих самостоятельно, наряду с государством влиять на исход соответствующих уголовных дел, активно защищать свои права и отстаивать законные интересы. Одновременно говорится о неопределенности критериев, позволяющих отграничить статус потерпевшего от статуса еще одного участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения – гражданского истца. И наконец, анализируется подход к пониманию потерпевшего как лица, располагающего полезными для уголовного дела сведениями. В этой связи заявляется о сомнительности формальной обособленности показаний потерпевших, их отграничения от достаточно близких по содержанию свидетельских показаний. В завершении формулируется вывод об эклектичности уголовно-процессуального статуса потерпевшего, об его сведении к хаотичному переплетению различных, имеющих собственный смысл и играющих собственную роль правовых состояний со свойственными каждому

из них диспозитивными возможностями и ограничениями свободы поведения. Однако допустимость осуществления каких-либо правотворческих шагов, направленных на устранение выявленных в статье проблем, ставится в зависимость от их фундаментальной теоретической проработанности.

Ключевые слова: причиненный преступлениям вред, гражданский истец, жертва преступления, показания свидетеля, показания потерпевшего, потерпевший, права потерпевшего, сторона обвинения

SERGEY B. ROSSINSKY

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@yandex.ru
SPIN-code: 8295-9884

VICTIM IN CRIMINAL PROCESS: A VICTIM OF A CRIME, AN ALTERNATIVE PROSECUTOR, OR A HOLDER OF VALUABLE INFORMATION?

Abstract. This article examines the status of a victim as a participant in Russian criminal proceedings. It also examines their place, role, and legal status within the overall national criminal justice system. This article is relevant because there are currently no common approaches to understanding the concept of a victim. There are gaps and contradictions in the relevant provisions of criminal procedure law, and practical errors and difficulties that lead to inadequate protection of the rights and legitimate interests of individuals or legal entities affected by crime. This article highlights an approach to understanding a victim as a victim of a crime, that is, a person who has suffered harm as a result of criminal acts. In this regard, the possibility is raised of these subjects remaining passive observers of the work of preliminary investigation bodies, the prosecutor's office, and the court, passively awaiting the restoration of their violated rights. Furthermore, the article examines the concept of the victim as an alternative accuser, that is, a fully-fledged participant in criminal proceedings on the prosecution's side, capable of active participation. The emergence of this approach is explained by the need to gradually strengthen the mechanisms of public access to criminal justice characteristic of civilized countries, and to expand the discretionary powers of interested parties, enabling them to independently, alongside the state, influence the outcome of relevant criminal cases, actively protect their rights, and defend their legitimate interests. At the same time, the article discusses the uncertainty of the criteria that distinguish the status of victim from that of another participant in criminal proceedings on the prosecution's

side – the civil plaintiff. Finally, the article analyzes the concept of the victim as a person possessing information useful for a criminal case. In this regard, the formal autonomy of victim testimony and its distinction from witness testimony, which is quite similar in content, are questionable. In conclusion, a conclusion is formulated regarding the eclectic nature of the victim's criminal procedural status, reducing it to a chaotic interweaving of various legal states, each with its own meaning and role, each with its own inherent discretionary possibilities and restrictions on freedom of behavior. However, the admissibility of any legislative steps aimed at eliminating the problems identified in the article depends on their fundamental theoretical development.

Keywords: harm caused by crimes, civil claimant, victim of a crime, witness testimony, victim's testimony, victim, victim's rights, prosecution side

Введение

На общем фоне множества самых разнообразных проблем, входивших в предмет изысканий представителей научной школы уголовного процесса Института права АН СССР – Института государства и права АН СССР – Института государства и права РАН, особое внимание традиционно уделялось «фигуре» потерпевшего, его предназначению и правовому положению в досудебном и судебном производстве по уголовному делу, средствам и методам защиты его прав и законных интересов, формам и способам возмещения причиненного ему вреда. И подобная научная популярность представляется далеко не случайной! Ведь потерпевший традиционно являлся одним из самых неоднозначных субъектов уголовно-процессуальных отношений. Его роль никогда не была предрасположена к четкому и ясному уразумению, а соответствующие положения уголовно-процессуального законодательства не характеризовались должной степенью определенности. Напротив, на протяжении многих лет из смысла закона одновременно вытекали три различных, далеко не во всем гармонизированных между собой, в чем-то даже противоречащих друг другу подхода к пониманию потерпевшего как участника уголовного судопроизводства. А на сегодняшний день ввиду присущего современным стандартам уголовной юстиции особого отношения государства к защите прав и законных интересов физических и юридических лиц, к обеспечению диспозитивных возможностей невластных субъектов уголовно-процессуальных отношений указанные противоречия стали еще более заметными, приводящими к трудностям и ошибкам в повседневной правоприменительной практике органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Во-первых, под потерпевшим следует понимать жертву преступления, т.е. пострадавшее от криминальных действий (бездействий) лицо — человека либо организацию, которым причинен определенный вред. Подобный подход четко усматривается из содержания ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ). Потерпевшим прямо предписывается признавать:

— физическое лицо — при нанесении ему физического, имущественного или морального вреда;

— юридическое лицо — при нанесении вреда его имуществу или деловой репутации.

Ранее схожие нормативные формулировки были свойственны ч. 1 ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. (далее — Основы УС СССР), ч. 1 ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г (далее — УПК РСФСР) и соответствующим нормам прочих союзно-республиканских кодексов. Правда, в отличие от действующего Кодекса положения прежнего законодательства в силу вполне понятных причин не предусматривали возможностей признания потерпевшими пострадавших от преступлений организаций — их вовлеченность в уголовное судопроизводство ограничивалась участием в качестве гражданских истцов. Однако в целом тождественность, во всяком случае близость, присущих современному и позднесоветскому уголовно-процессуальному праву подходов к пониманию потерпевшего как жертвы преступления представляется вполне очевидной.

Во-вторых, потерпевшего надлежит воспринимать как некоего альтернативного обвинителя — предрасположенного к активному поведению участника уголовного судопроизводства, наделенного возможностью доступа к правосудию, т.е. способного посредством реализации имеющихся правомочий предпринимать попытки оказания определенного влияния на исход уголовного дела, на характер и содержание ведущегося в отношении обвиняемого (подозреваемого) уголовного преследования, на действия и решения органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и т.п. В этой связи потерпевшему дозволено собирать доказательства и участвовать в их исследовании, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы, пользоваться многими другими субъективными правами.

В-третьих, исходя из смысла закона, потерпевшего следует расценивать как специфического свидетеля, т.е. лицо, располагающее полезной для нужд уголовной юстиции информацией: о событии преступления, о личности обвиняемого, о характере и размере

причиненного вреда, о других подлежащих установлению обстоятельствах случившегося. Именно поэтому потерпевшему дозволено и одновременно предписано давать правдивые показания, запрещено уклоняться от явки по вызовам в органы предварительного расследования или суд, допустимо пользоваться предусмотренными законом иммунитетами и прочими «свидетельскими» гарантиями юридической доброкачественности сообщаемых сведений.

Вместе с тем нетрудно заметить, что указанные понимания потерпевшего вовсе не являются взаимообусловленными. Напротив, данные процессуальные роли видятся predisposed к автономному, не связанному друг с другом существованию. Например, по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения жертву преступления сугубо гипотетически можно вообще лишить права на доступ к правосудию — ввиду публичности российского уголовного судопроизводства активное содействие подобных жертв уголовному преследованию совсем не обязательно и порой приводит лишь к помехам в работе органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Кроме того, пострадавшие от преступных деяний лица, равно как и допущенные к уголовному преследованию субъекты далеко не всегда являются обладателями полезных для использования в доказывании сведений — чаще всего такие «несостыковки» характерны для случаев признания потерпевшими юридических лиц, способных вступать в уголовно-процессуальные правоотношения только через своих правомочных либо управомоченных представителей.

С кем же все-таки надлежит ассоциировать потерпевшего: с жертвой преступления, с полноценным, predisposed к активному поведению альтернативным обвинителем или с обладателем ценной для установления обстоятельств случившегося информации? Попытке решения данной дилеммы, а точнее трилеммы и посвящена настоящая статья.

Потерпевший как жертва преступления

Подход к пониманию потерпевшего как жертвы преступления имеет наиболее глубокие корни. Именно этот подход некогда предопределил возникновение уже ставшего привычным, воспринимаемым в качестве само собой разумеющегося термина «потерпевший», буквально означающего человека, которому пришлось что-либо потерпеть (претерпеть), пострадать, понести какой-либо ущерб. С этим же подходом связаны дебютные попытки легализации такого участника

уголовного судопроизводства, т.е. введения его статуса в сферу уголовно-процессуального регулирования.

В подобном смысле о потерпевшем упоминалось еще в положениях XV тома известного Свода законов Российской империи 1832 г. — так называемого Свода законов уголовных (далее — СЗУ). Например, в ст. 1057 СЗУ установленные судом обстоятельства вражды или ссоры обвиняемого с потерпевшим предписывалось относить к уликам или признакам преступления. В соответствии со ст. 1217 СЗУ говорилось о правилах определения мер «для удовлетворения обиженных в ущербах» и т.д. Позднее этот же подход был отражен в ряде статей Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее — УУС), — в нормах, еще не предполагающих полноценной системности, но тем не менее уже закрепивших фрагменты правового положения жертвы преступления. Например, в ст. 6 УУС потерпевших от преступлений и проступков, не подлежащих наделению правомочиями частных обвинителей, но заявлявших требования о вознаграждении (читай — о компенсации причиненного вреда), предписывалось признавать гражданскими истцами. В ст. 16 УУС говорилось о возможности прекращения судебно-уголовного преследования в случаях примирения обвиняемого с так называемым обиженным. В соответствии со ст. 303 УУС одним из поводов для возбуждения предварительного следствия считалась жалоба потерпевшего от преступления или проступка и т.д.

Однако наиболее серьезные сдвиги в данном направлении произошли в советский период развития уголовной юстиции. Как говорилось выше, именно тогда — в конце 1950-х — начале 1960-х гг. — уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик впервые обзавелось положениями, предписывающими признать потерпевшим всякое лицо, которому преступлением причинен определенный вред; одновременно возникли некоторые правовые гарантии возмещения такого вреда. Тогда же о потерпевшем как о жертве преступления стали писать и отдельные ученые¹.

А на сегодняшний день указанный подход к пониманию потерпевшего постепенно перерос в предусмотренную ч. 1 ст. 42

¹ См., например: *Савицкий В.М., Потеружа И.И.* Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 5; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 253–254; *Алексеев В.Б., Ароцкер Л.Е., Божьев В.П. и др.* Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции). М., 1972. С. 275 и др.

УПК РФ нормативную дефиницию этого участника уголовного судопроизводства. Кроме того, ввиду общего усиления формализации уголовно-процессуальных отношений² присущие ему как жертве преступления гарантии превратились в конкретизированные правила. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ государству стало четко предписываться обеспечивать потерпевшему возмещение причиненного преступлением имущественного вреда. Согласно ст. 25 УПК РФ потерпевшему стало позволяться заявлять о примирении с обвиняемым, о заглаживании причиненного вреда, чем инициировать дилемму о его освобождении от уголовной ответственности и прекращении соответствующего уголовного дела.

С одной стороны, подобные нормативные представления о потерпевшем являются совершенно верными и разумными, правильно отражающими покровительственное отношение государства к пострадавшим от преступлений лицам как к субъектам, заслуживающим сострадания, могущим рассчитывать на помощь и поддержку в решении возникших проблем, на восстановление в отношении них социальной справедливости, в первую очередь на возмещение нанесенного ущерба. Тем более что они четко согласуются с содержанием ст. 52 Конституции РФ, некоторыми положениями уголовного закона³ и одним из компонентов принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, вытекающим из ч. 4 ст. 11 УПК РФ. Поэтому включенная в Кодекс нормативная дефиниция потерпевшего стала активно использоваться в доктринальных источниках — дословный, по крайней мере практически точный, пересказ ч. 1 ст. 42 УПК РФ можно встретить в целом ряде научных и научно-практических публикаций, освещающих проблематику участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве⁴, не говоря о множестве учебников и разнообразных учебных пособий.

² См.: *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 121.

³ См.: *Стойко Н.Г., Танцерева М.В.* Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. Красноярск, 2003. С. 7.

⁴ См., например: *Ульянов В.Г.* Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе. М., 2002. С. 34; *Шаров Д.В.* Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве. М., 2011. С. 59; *Синенко С.А.* Участие потерпевшего в расследовании преступления. Владивосток, 2007. С. 21; *Быков В.М., Колдин С.В.* Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство). М., 2013. С. 18; *Якимович Ю.К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 90 и др.

С другой стороны, для оказания посильной помощи, в том числе возмещения причиненного вреда жертвам преступлений, таких лиц вполне достаточно оставлять в положении пассивных созерцателей работы органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, в состоянии безучастных и бездеятельных ожидателей «торжества справедливости» и восстановления нарушенных прав — в их допуске к участию в уголовном судопроизводстве в качестве полноценных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений в общем-то нет никакой надобности, разве что за исключением уголовных дел частного обвинения. Как указывалось выше, активное содействие пострадавших от преступных деяний лиц осуществляемому от имени государства публичному уголовному преследованию является далеко не обязательным, а иногда — и вовсе неуместным, т.е. своеобразной «медвежьей услугой». Именно поэтому некогда существовавшие архаичные порядки уголовного судопроизводства вообще не предполагали признания жертв преступлений потерпевшими — для возмещения причиненного вреда подобные юридические состояния просто не требовались.

И таким образом, предусмотренная ч. 1 ст. 42 УПК РФ легальная дефиниция потерпевшего, обусловленная подходом к его пониманию как жертвы преступления, представляется весьма неудачной, не раскрывающей замыслов законодателя, решившегося наделить такое лицо достаточно широким арсеналом процессуальных возможностей и предусмотреть для их использования целый комплекс правообеспечительных механизмов. Содержание данного положения сводится не столько к раскрытию сущности потерпевшего, сколько к изложению оснований для введения некоего физического или юридического лица в требуемое процессуальное состояние (в процессуальный статус потерпевшего). К слову, остальные фрагменты той же ч. 1 ст. 42 УПК РФ посвящены регламентации порядка вынесения соответствующего процессуального акта: постановления или определения. И в этой связи остается лишь констатировать гораздо большую «честность», по крайней мере, точность позднесоветского законодателя, по всей видимости, решившего отказаться от намерений превратить основания для признания потерпевшим в очередную норму-дефиницию. Во всяком случае именно такое впечатление складывается при ознакомлении с ч. 1 ст. 53 УПК РСФСР 1960 г., предполагающей более разумную, не воспринимаемую в качестве истолкования понятия потерпевшего формулировку: «Потерпевшим признается (!) лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред».

Конечно, присущие ч. 1 ст. 42 УПК РФ нормативные шероховатости вряд ли могут оказывать какое-либо негативное влияние на правоприменительную практику. Напротив, фактическое уклонение законодателя от легализации дефиниции потерпевшего является хотя и непреднамеренным, но совершенно верным, способствующим оптимизации правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. На фоне общей перегруженности Кодекса множеством сугубо доктринальных положений, в том числе достаточно бессмысленных определений случайная «пропажа» очередной нормативной дефиниции представляется приятной неожиданностью. Между тем периодически предпринимаемые в доктринальных источниках попытки разъяснения сущности потерпевшего посредством пересказа ч. 1 ст. 42 УПК РФ видятся явно недопустимыми, сводящими теоретические взгляды на потерпевшего и соответствующие положения закона к тупиковому, не предполагающему развития состоянию замкнутого круга.

Потерпевший как альтернативный обвинитель

Подход к пониманию потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения начал формироваться во время Великой судебной реформы 1860-х гг. — впервые соответствующие правотворческие замыслы были воплощены в ряде положений УУС. Например, согласно ст. 599 УУС потерпевшим от преступлений разрешалось заявлять отводы судьям. В соответствии со ст. 622 УУС они наделялись правом оставлять в залах «закрытых» судебных заседаний своих родственников либо знакомых. Исходя из смысла ст. 697 УУС, потерпевшим позволялось принимать участие в осмотрах вещественных доказательств и др. Кроме того, предусматривался целый комплекс правомочий потерпевших по уголовным делам частного обвинения.

Между тем самая активная фаза интенсификации данного подхода была связана с формированием и развитием советского уголовно-процессуального права. Так, уже в ст. 56, 88 «пробного» Положения (декрета) о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. и ст. 56, 90 «обновленного» Положения о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. потерпевших предписывалось приглашать в судебные заседания первой и кассационной инстанций. А в Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 г. и 1923 г. предусматривались комплексы юридических гарантий правосубъектности потерпевших

как полноценных участников досудебных и судебных производств со стороны обвинения: по смыслу закона им разрешалось представлять подлежащие признанию доказательствами предметы и документы, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы, использовать иные процессуальные возможности.

В дальнейшем комплексы предоставляемых потерпевшим юридических гарантий превратились в достаточно стройные системы, которые стали присущи Основам УС СССР 1958 г. и соответствующим союзно-республиканским кодексам. Например, в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР основные права потерпевших были сведены в единую норму — в ч. 2 ст. 53 УПК РСФСР 1960 г. Наряду с ранее предусмотренными правомочиями таким лицам стало дозволено знакомиться с материалами оконченных предварительных расследований и участвовать в судебных исследованиях доказательств. Одновременно в ч. 3 ст. 53 УПК РСФСР указывалось о свойственном лишь частным уголовным преследованиям шансах потерпевших (их представителей) самостоятельного поддерживать обвинения в судебных заседаниях. И наконец, в ч. 4 ст. 53 УПК РСФСР говорилось о необходимости передачи прав умерших вследствие преступлений потерпевших к кому-либо из близких родственников. Схожие, хотя и гораздо более детализированные правомочия предусматриваются ч. 2, 8–10 ст. 42 УПК РФ.

Причем подобные тенденции развития подхода к пониманию потерпевшего как субъекта уголовно-процессуальных отношений являлись далеко не случайными. Они были обусловлены потребностями в постепенном усилении характерных для цивилизованных стран механизмов доступа населения к уголовному правосудию, в расширении диспозитивных возможностей заинтересованных лиц, позволяющих самостоятельно, наряду с органами предварительного расследования, прокуратурой и судом влиять на исход соответствующих уголовных дел, активно защищать свои права и отстаивать законные интересы. В частности, появилась надобность во введении пострадавших от преступлений лиц в определенное юридическое состояние — в процессуальный статус потерпевшего, закономерно отнесенный к стороне обвинения и в некотором смысле противопоставленный статусу обвиняемого (подозреваемого). Однако у законодателя, по всей вероятности, никогда не возникало намерений полностью уравновесить указанных участников, т.е. превратить потерпевшего в главного «антагониста», в ключевого «оппонента» обвиняемого (подозреваемого), а их процессуальные

взаимоотношения уподобить взаимоотношениям истца и ответчика в гражданском судопроизводстве. Ввиду публичной природы уголовного преследования такими «оппонентами» традиционно считались и продолжают считаться государство в лице органов предварительного расследования и прокуратуры, с одной стороны, и предположительно подлежащий уголовной ответственности человек, т.е. обвиняемый (подозреваемый), — с другой. В этой связи по уголовным делам публичного (частно-публичного) обвинения потерпевший мог стать (и, разумеется, стал!) не более чем факультативным субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, предрасположенным лишь к оказанию добровольно-посильного содействия государству. В этой же связи потребность в признании каких-либо лиц потерпевшими (в том числе по уголовным делам частного обвинения) закономерно стала ассоциироваться именно с вредом, причиненным индивидуальным благам. Тогда как случаи направленности преступных посягательств на сугубо «общенародные» (т.е. индивидуально-неопределенные) блага и ценности в силу понятных причин, напротив, продолжили считаться подлежащими нахождению в исключительном ведении органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

А наиболее существенные правотворческие шаги в данном направлении были предприняты как раз на рубеже 1950—1960-х гг. — на волне кардинальных преобразований уголовной юстиции, в том числе проведенных в целях либерализации и расширения диспозитивных начал уголовного судопроизводства. И поэтому в публикациях «свидетелей» указанных реформ неоднократно говорилось о выводе потерпевших из предрасположенного к пассивности положения, о появлении у них реальных шансов для активной борьбы за свои права и законные интересы⁵. Схожих взглядов придерживаются и многие современные авторы — окончательная легализация «фигуры» потерпевшего как автономного, имеющего собственное предназначение субъекта уголовно-процессуальных отношений с присущими ему правомочиями по-прежнему связывается с наблюдавшимся в период «хрущевской оттепели» изменением вектора государственной

⁵ См.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / Под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 241—242; *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 238; *Шпилев В.Н.* Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 95. и др.

политики в сфере уголовной юстиции, с некоторым усилением уважения прав личности⁶.

Вместе с тем подход к пониманию потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения на проверку оказался далеко не таким идеальным, каким, по всей видимости, представлялся и продолжает представляться многим ученым-процессуалистам. Попытки его нормативного воплощения в положениях советского, а затем и постсоветского законодательства привели к возникновению ряда никак не подлежащих разрешению и оказывающих достаточно деструктивное влияние на правоприменительную практику проблем. В первую очередь появилась неопределенность в критериях, позволяющих отграничить статус потерпевшего от статуса еще одного участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения — гражданского истца.

Конечно, говорить о полной идентичности правовых статусов данных субъектов не приходится — некоторые различия между ними все же существует. Например, в соответствии ч. 1 ст. 44 УПК РФ предмет гражданско-исковых требований в отличие от «причитающегося» по закону потерпевшему ограничивается лишь возмещением имущественного вреда либо имущественной компенсацией морального вреда. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 44 УПК РФ выразителями указанных требований могут являться не только сами пострадавшие от преступлений — наряду с ними подобные правомочия предоставлены законным представители несовершеннолетних, недееспособных, ограниченных в дееспособности или не располагающих возможностью самостоятельно отстаивать свои права и интересы ввиду иных предусмотренных гражданским процессуальным законом причин, а также прокурорам. Одновременно прокурору дозволено заявлять гражданский иск в защиту интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципалитетов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Однако в более тривиальных ситуациях, главным образом связанных с преступлениями против собственности, с преступлениями в сфере экономической деятельности и другими «имущественно ориентированными» деяниями, разница в правовых статусах потерпевших и гражданских истцов видятся уже не столь заметной.

⁶ См.: Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М., 2006. С. 17–18; Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Хабаровск, 2013. С. 46 и др.

Правда ранее, во время действия советского законодательства подобные различия были достаточно ощутимыми. Так, исходя из смысла ст. 53 и 54 УПК РСФСР 1960 г., потерпевшими могли считаться только физические лица, а гражданскими истцами — и физические, и юридические лица. Поэтому в случаях причинения вреда различным предприятиям, учреждениям, прочим организациям у сотрудников органов дознания, следователей, прокуроров или судей просто не оставалось иного выбора, нежели чем признавать их гражданскими истцами. Тогда как предопределенные появлением частного бизнеса и нашедшие отражение в действующем Кодексе примерно равные шансы пострадавших от преступлений физических и юридических лиц на доступ к правосудию, на защиту своих прав и законных интересов, привели к большим трудностям в должном разграничении уголовно-процессуальных статусов потерпевшего и гражданского истца.

В этой связи закономерно возникают вопросы о целесообразности и практической необходимости повсеместно распространившихся последнее время прикладных технологий, которые сводятся к параллельному, порой единовременному признанию лиц, материально пострадавших от преступных деяний, и потерпевшими, и гражданскими истцами. Вычурность таких технологий обусловлена преимущественной идентичностью диспозитивных возможностей обоих субъектов с той лишь разницей, что одному из них дозволено пользоваться имеющимися правами в полном объеме, а второму — только в части заявленного гражданского иска. Другими словами, представляется непонятным, зачем располагающих всеми необходимыми полномочиями потерпевших повторно наделять этими же полномочиями, но в гораздо меньших объемах. Ведь подобные «излишества», не предполагая никакой ощутимой пользы, приводят лишь к увеличению объема дознавательской, следственной и судебной работы, к дополнительным временным затратам, к разрастанию количества материалов уголовных дел. А между тем именно так поступают сотрудники подавляющего большинства органов предварительного расследования; схожие рекомендации отражены и в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»⁷.

⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

Ввиду наблюдаемой на сегодняшний день неопределенности в критериях разграничения статусов потерпевшего и гражданского истца возникают и некоторые другие практические изъятия и шероховатости. В этой связи в ряде современных публикаций предлагается вообще исключить гражданского истца из системы участников уголовного судопроизводства с передачей всех соответствующих правомочий потерпевшему⁸. Конечно, такие взгляды являются достаточно радикальными и вряд ли заслуживают абсолютной поддержки. Однако сами потребности в надлежащей согласованности соответствующих положений закона, в устранении причин неверного истолкования вытекающих из них нормативных посылов, в придании большей ясности и понятности роли каждого из указанных субъектов представляются вполне очевидными.

Потерпевший как обладатель полезных сведений

Подход к пониманию потерпевшего как обладателя полезных сведений для уголовного дела сведений стал формироваться во второй половине XX в. — одновременно с автономизацией его роли в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Ранее сообщаемые пострадавшими от преступлений лицами сведения признавались ординарными свидетельскими показаниями, а способами их получения являлись соответствующие допросы и очные ставки. Например, в примечании к ст. 284 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. говорилось о возможности получения судом свидетельских показаний от поддерживающих обвинение потерпевших и т.д. Однако в дальнейшем подобные правила были изменены. Уже в ч. 2 ст. 16 Основ УС СССР 1958 г. показания потерпевших считались отдельными, формально отличающимися от показаний свидетелей средствами доказывания (источниками доказательств), а в ч. 2 ст. 24 того же законодательного акта потерпевшему предоставлялось право давать такие показания. Аналогичные положения были вполне закономерно включены в УПК РСФСР 1960 г. и другие союзно-республиканские кодексы. Одновременно появились юридические гарантии доброкачественности указанных сведений. Например, в ч. 3 ст. 75 УПК РСФСР 1960 г. содержались нормативные отсылки к санкциям, предусмотренным за беспричинную неявку потерпевшего в орган предварительного расследования, к прокурору или в суд, за отказ

⁸ См., например: *Шаров Д.В.* Указ соч. С. 26

либо уклонение от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний. В ст. 79 УПК РСФСР 1960 г. говорилось об обязательности судебно-экспертной диагностики психического или физического состояния потерпевшего при возникновении сомнений в его способностях адекватно воспринимать объективную реальность и сообщать правильные сведения. В ч. 2 ст. 287 УПК РСФСР 1960 г. в рекомендательной форме указывалось о проведении судебного допроса потерпевшего ранее допросов свидетелей и т.д.

Более того, позднесоветским законодательством прямо предусматривались механизмы обследования потерпевшего как объекта невербального познания. Так, согласно ч. 1 ст. 181 УПК РСФСР 1960 г. потерпевшего дозволялось подвергать освидетельствованию, согласно ч. 3 ст. 183 того же кодекса — привлекать его к следственному эксперименту, в соответствии ч. 2. ст. 186 того же кодекса — получать у него какие-либо образцы для сравнительного исследования и проч. А исходя из смысла ст. 164 УПК РСФСР 1960 г., потерпевший даже мог быть предъявлен для опознания другим лицам.

К слову, все подобные новации удостоились множества позитивных оценок в научных публикациях. По крайней мере, активно занимающиеся проблематикой доказывания советские ученые-процессуалисты обычно писали о самостоятельном характере сообщаемой потерпевшими либо получаемой посредством их невербального обследования информации как о чем-то очевидном, само собой разумеющемся⁹.

Поэтому неудивительно, что подход к пониманию потерпевшего как обладателя полезных для уголовного дела сведений сполна отразился и в современном уголовно-процессуальном праве — в действующем Кодексе в той или иной форме были воспроизведены все соответствующие положения позднесоветского законодательства. Так, потерпевший остался управомочен и одновременно обязан давать правдивые показания, в том числе на комфортном для него языке, в предусмотренных случаях пользоваться имеющимися имунитетами и др. Кроме того, возникли новые способы когнитивно ориентированной работы с потерпевшими и дополнительные гарантии доброкачественности ожидаемых познавательных результатов. Например, согласно ч. 1 ст. 194 УПК РФ стало дозволено проверять

⁹ См., например: *Галкин В.М.* Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. 1. М., 1967. С. 17–20; *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 412–413; Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 572–575 и др.

показания данных участников уголовного судопроизводства «на месте». В силу ч. 8 ст. 193 УПК РФ появлялась возможность проведения предъявлений для опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающих потерпевших опознаваемыми обвиняемыми (подозреваемыми) и т.д.

В принципе общий смысл подобного подхода к пониманию потерпевших представляется вполне ясным. Ведь, такие участники уголовного судопроизводства обычно очень хорошо осведомлены о подлежащих установлению обстоятельствах, а зачастую являются носителями материальных следов совершаемых в отношении них преступных деяний. Поэтому отказы дознавателей, следователей, прокуроров, судей и даже прочих субъектов доказывания от использования предрасположенных к получению от потерпевших вербальных либо невербальных сведений выглядели бы по меньшей мере странными.

Вместе с тем целесообразность впервые введенных советским законодателем и существующих по сей день правовых норм, предполагающих формальную обособленность показаний потерпевших, их отграничение от достаточно близких по содержанию свидетельских показаний, выглядит весьма сомнительной. Конечно, разгадать подобные правотворческие замыслы не так уж и сложно. Вполне очевидно, что в силу принадлежности к стороне обвинения и, как правило, заинтересованности в исходе соответствующих уголовных дел потерпевших, действительно, не нужно полностью отождествлять с «классическими» свидетелями, т.е. абсолютно беспристрастными, преимущественно случайными наблюдателями каких-либо значимых для уголовной юстиции обстоятельств. На данные нюансы многократно обращалось внимание в различных доктринальных источниках¹⁰. Однако имелась ли когда-нибудь подлинная надобность в формальном (не в фактическом, а именно формальном, законодательно закреплённом!) разграничении показаний потерпевших и свидетелей? Думается, что нет.

Различия между такими сведениями видятся не столь существенными, явно не обуславливающими потребности в создании вариативных правовых режимов проведения соответствующих процессуально-когнитивных приемов, в первую очередь допросов. Собственно говоря, подобной вариативности, т.е. особой разницы, в правилах

¹⁰ См., например: *Савицкий В.М., Потеружа И.И.* Указ соч. С. 132–133; 144–145; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 178–179; *Шаров Д.В.* Указ. соч. С. 40 и др.

получения показаний потерпевших и свидетелей как не было, так и нет — согласно ст. 78 и 79 УПК РФ эти доказательства подлежат формированию посредством проведения унифицированных следственных (дознательских) и судебных приемов, за исключением нескольких незначительных деталей, например, недопустимости прелиминарного (до проведения допроса) удаления потерпевшего из зала судебного заседания, его диспозитивной возможности быть допрошенным в любой момент судебного следствия и т.п.

Более того, вытекающая из процессуального положения потерпевшего заинтересованность в исходе уголовного дела зачастую является лишь потенциальной. В реальности многие из таких лиц оказываются совершенно равнодушными к перспективам осуществляемых (в том числе «для них»!) уголовных судопроизводств в целом и судьбам подвергаемых уголовным преследованиям обвиняемых (подозреваемых) в частности, в связи с чем относятся к вызовам в органы предварительного расследования и судебные заседания для дачи показаний как к изнурительным формальностям¹¹. Тогда как некоторые свидетели, напротив, в силу самых различных обстоятельств подчас являются гораздо более заинтересованными в исходе соответствующих уголовных дел, а их показания — весьма далекими от объективности и беспристрастности.

Примечательно, что наиболее серьезные практические затруднения в оценке свидетельских показаний на предмет их непредвзятости начались вследствие появления возможности признания потерпевшими юридических лиц. Вызываемые в органы предварительного расследования или судебные заседания бенефициары, акционеры, руководители и прочие «неравнодушные» к продуктивной работе

¹¹ К слову, нечто подобное много лет назад произошло и с автором настоящей статьи. Так, неустановленные лица, по всей вероятности, несовершеннолетние, в ночное время разбили стекло принадлежавшего автору автомобиля, проникли в салон, откуда тайно похитили полупустую пачку сигарет и две пачки жевательной резинки — никаких более ценных предметов в автомобиле просто не оказалось. Осознавая всю «ничтожность», в определенном смысле даже курьезность произошедшего, автор написал заявление в милицию лишь с целью надлежащей фиксации обстоятельств случившегося — для обращения в страховую компанию по поводу замены разбитого стекла. Поэтому после возбуждения соответствующего уголовного дела автору пришлось несколько раз являться по вызовам дознавателя для признания потерпевшим и дачи показаний. Однако никакого особого интереса к данному уголовному делу у автора, конечно, не было. К тому же позднее уголовное дело было приостановлено ввиду неустановления подлежащих привлечению к ответственности лиц.

пострадавших от преступлений предприятий, учреждений, иных организаций лица стали формально допрашиваться в качестве свидетелей, хотя говорить об их незаинтересованности, конечно, не приходится. Кстати, в научных публикациях можно встретить ряд предложений, направленных на разрешение данных проблем, в первую очередь посредством появления дополнительных правовых гипотез и обусловленных ими специальных диспозиций¹².

Хотя наиболее разумные способы преодоления указанных трудностей все же видятся несколько в ином — в устранении самих причин, приведших к их возникновению. В этой связи законодателю вообще стоит всерьез задуматься об исключении показаний потерпевшего из системы средств доказывания с реставрацией давно позабытых требований о допросах пострадавших от преступлений лиц в качестве свидетелей.

Выводы

Подводя итоги всему изложенному, уголовно-процессуальный статус потерпевшего можно оценить как весьма эклектичную юридическую конструкцию, сводящуюся к смешению трех различных, имеющих собственный смысл и играющих собственную роль правовых состояний со свойственными каждому из них диспозитивными возможностями и ограничениями свободы поведения. Нормативные воплощения подходов к пониманию потерпевшего как жертвы преступления, как альтернативного обвинителя, т.е. полноценного, способного к активному поведению участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения и как обладателя полезных для установления обстоятельств случившегося сведений, не предполагают самостоятельности или, по крайней мере, параллельности. Напротив, они переплетены в достаточно хаотичный массив дозволений, запретов, предписаний, а также соответствующих юридических гарантий и санкций, в связи с чем предрасположены к возникновению правовых коллизий и практических сложностей. Именно этим во многом объясняются присущие работе современных органов

¹² См., например: *Авдеев В.Н., Воскобойник И.О.* Некоторые аспекты участия представителей потерпевшего и гражданского истца в производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2007. № 5 С. 109–110; *Ширяева Т.И.* Юридическое лицо как потерпевший: теоретические проблемы участия в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2010. С. 108–109 и др.

предварительного расследования и судов общей юрисдикции ошибки и трудности, касающиеся надлежащего разграничения потерпевших и гражданских истцов, возмещения причиняемого преступлениями вреда, получения показаний от представителей признанных потерпевшими юридических лиц, реализации иных связанных со статусом потерпевшего положений уголовно-процессуального закона.

Конечно, сказанное не следует воспринимать как некий призыв к революционным изменениям уголовно-процессуального законодательства. В конце концов, существующие правовые основы участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве являются достаточно устоявшимися, вследствие чего попытки их поспешного и импульсивного реформирования могут привести к еще более нежелательным последствиям. Поэтому любые связанные с преобразованием статуса потерпевшего правотворческие меры возможны лишь после фундаментальной теоретической проработки соответствующих проблем. Тогда как сформулированные в настоящей статье выводы и высказанные суждения могут стать хорошими импульсами для начала проведения серии новых научных исследований, посвященных «фигуре» потерпевшего, его месту, роли и положению в общей системе российской уголовной юстиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдеев В.Н., Воскобойник И.О. Некоторые аспекты участия представителей потерпевшего и гражданского истца в производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 107–113.

Алексеев В.Б., Ароцкер Л.Е., Божьев В.П. и др. Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции). М.: Юридическая литература, 1972.

Быков В.М., Колдин С.В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство). М.: Юрлитинформ, 2013.

Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР / Под ред. С.А. Голунского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.

Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. 1. М.: Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз, 1967.

Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995.

Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.

Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135.

Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1963.

Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2013.

Синенко С.А. Участие потерпевшего в расследовании преступления. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007.

Стойко Н.Г., Танцерева М.В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 2003.

Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.

Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юридическая литература, 1973.

Ульянов В.Г. Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе. М.: ОЛМА-Пресс, 2002.

Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М.: Юрлитинформ, 2006.

Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2011.

Ширяева Т.И. Юридическое лицо как потерпевший: теоретические проблемы участия в уголовном судопроизводстве. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2010.

Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Издательство Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина, 1970.

Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015.

REFERENCES

Avdeev, V.N. and Voskoboinik, I.O. (2007). Nekotorye aspekty uchastiya predstavitelej poterpevshego i grazhdanskogo istca v proizvodstve po ugovnym delam [Some Aspects of Participation of Representatives of the Victim and Civil Plaintiff in Criminal Proceedings]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 5, pp. 107–113. (in Russ).

Alekseev, V.B., Arotsker, L.E., Bozhev, V.P. et al. (1972). *Nastol'naya kniga sud'i (rassmotrenie ugovnykh del v sude pervoj instancii)* [The Judge's Handbook (consideration of criminal cases in the court of first instance)]. Moscow: Legal Literature. (in Russ).

Bykov, V.M. and Koldin, S.V. (2013). *Zashchita prav poterpevshego v ugovnom processe Rossii (dosudebnoe proizvodstvo)* [Protecting the Rights of the Victim in Criminal Proceedings in Russia (Pre-Trial Proceedings)]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ).

Golunskiy S.A. ed. (1959). *Voprosy sudoproizvodstva i sudoustrojstva v novom zakonodatel'stve Soyuza SSR* [Issues of Legal Proceedings and the Judicial System in the New Legislation of the USSR] Moscow: State Publishing House of Legal Literature. (in Russ).

Galkin, V.M. (1967). *Sredstva dokazyvaniya v уголовном процессе* [Means of Evidence in Criminal Proceedings]. Part 1. Moscow: Central Research Institute of Forensic Examinations. (in Russ).

Kokorev, L.D., Kuznetsov N.P. (1995). *Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Evidence and Proof]. Voronezh: Voronezh University Publishing House. (in Russ).

Rakhunov, R.D. (1961). *Uchastniki уголовно-processual'noj deyatel'nosti* [Participants in Criminal Procedure Activity]. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2023). Ugolovno-processual'naya forma VS pravila ugovol-no-processual'nogo deloproizvodstva [Criminal Procedure Form VS Rules of Criminal Procedure Proceedings]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 18 (1), pp. 116–135. (in Russ).

Savitskiy, V.M. and Poteruzha, I.I. (1963). *Poterpevshij v sovetskom уголовном процессе* [The Victim in Soviet Criminal Procedure]. Moscow: Legal Literature]. (in Russ).

Sinenko, S.A. (2013). *Obespechenie prav i zakonnyh interesov poterpevshego v ugovolnom sudoproizvodstve* [Ensuring the Rights and Legitimate Interests of the Victim in Criminal Proceedings]. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russ).

Sinenko, S.A. (2007). *Uchastie poterpevshego v rassledovanii prestupleniya* [Participation of the Victim in the Investigation of a Crime]. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House. (in Russ).

Stoyko, N.G., Tantzerev, M.V. (2003). *Poterpevshij i ego funkciya v уголовном процессе Rossijskoj Federacii* [The Victim and His Function in Criminal Procedure of the Russian Federation]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House. (in Russ).

Strogovich, M.S. (1968). *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa* [Course of Soviet Criminal Procedure]. Vol. 1. Moscow: Science. (in Russ).

Zhugin N.V. ed. (1973). *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom уголовном процессе* [Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure]. Moscow: Legal Literature. (in Russ).

Ulyanov, V.G. (2002). *Realizaciya prav poterpevshih v Rossijskom уголовном процессе* [Implementation of Victims' Rights in Russian Criminal Procedure]. Moscow: OLMA-Press. (in Russ).

Chekulaev, D.P. (2006). *Poterpevshij: dostup k pravosudiyu i kompensaciya prichinennogo ushcherba* [Victim: Access to Justice and Compensation for Damages]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ).

Sharov, D.V. (2011). *Obespechenie prav poterpevshego v dosudebnom proizvodstve* [Ensuring the Rights of the Victim in Pre-Trial Proceedings]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ).

Shiryaeva, T.I. (2010). *Yuridicheskoe lico kak poterpevshij: teoreticheskie problemy uchastiya v уголовном sudoproizvodstve* [Legal Entity as a Victim: Theoretical Issues

of Participation in Criminal Proceedings]. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russ).

Shpilev, V.N. (1970). *Uchastniki ugodnogo processa* [Participants in Criminal Proceedings]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University named after V.I. Lenin. (in Russ).

Yakimovich, Yu.K. (2015). *Uchastniki ugodnogo processa* [Participants in Criminal Proceedings]. Saint Petersburg: Legal Center Publishing House. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Россинский Сергей Борисович – главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy – Chief Researcher, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б. Потерпевший в уголовном процессе: жертва преступления, альтернативный обвинитель или обладатель ценных сведений? // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2026. Т. 21. № 4. С. 271–292. DOI: 10.35427/2073-4522-2026-21-4-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2026). Victim in a Criminal Process: a Victim of a Crime, an Alternative Prosecutor, or a Holder of Valuable Information? *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 21 (4), pp. 271–292. DOI: 10.35427/2073-4522-2026-21-4-rossinskiy